

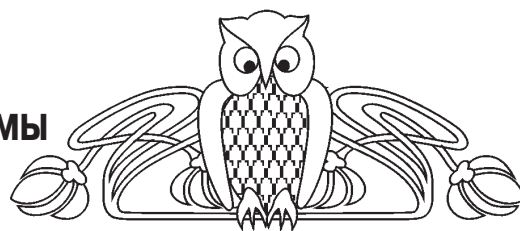

УДК 94(47).084.8

КОРЕННОЙ ПЕРЕЛОМ В ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЕ: ПОДХОДЫ И СУЖДЕНИЯ В ИСТОРИОГРАФИИ ПРОБЛЕМЫ

В. Н. Данилов

Саратовский государственный университет
E-mail: danilovvik@yandex.ru

Статья посвящена отражению в советской и современной российской историографии проблемы коренного перелома в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. Показывается формирование концепции и ее особенности на различных историографических этапах. Особое внимание уделяется рассмотрению дискуссий о времени начала коренного перелома в ходе войны.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, коренной перелом, историография, битва под Москвой, Сталинградская битва.

The Aborigine Alteration in the Big World War: Suits and Deliberations in the Historiography of Problem

V. N. Danilov

The article is devoted to the reflection in soviet and modern russian historiography of the aborigine alteration's problem in the Big World War 1941–1945 years. It is showed the formiration of conception and her specifics on different historiography stages. Particularly attention is spared to advisement of discussions of the begining's time of aborigine alteration during the War.

Key words: Big World War, aborigine alteration, historiography, battle sub Moscow, Stalingrad's battle.

Вопрос о периодизации Великой Отечественной войны и общей характеристики её крупных этапов, безусловно, находится на периферии современных дискуссий по истории войны, значительно уступая по накалу и уровню обсуждения таким её проблемам, как характер германского нападения на СССР в июне 1941 г., причины поражений Красной армии в начале войны и ответственность за это советского политического и военного руководства, коллаборационизм, роль штрафных частей и заградотрядов, освободительная миссия советских войск в Европе, людские потери и др. Этот факт свидетельствует не столько об отсутствии научной значимости данного вопроса в выяснении подлинной истории военного противостояния СССР с нацистской Германией и ее союзниками в 1941–1945 гг., сколько является отражением идеологического противостояния политических сил как внутри нашей страны, так и за ее пределами, возникшего в условиях распада советской системы и становления новой российской государственности, когда память о войне оказалась, по сути, единственной масштабной исторической ценностью, скрепляющей общество и позволяющей России отстаивать статус великой суверенной державы. Не

случайно, что авторы последнего фундаментального труда по истории Великой Отечественной войны, декларируя его преемственность предшествующих подобного рода отечественных изданий, поскольку, по их убеждению, «настоящее и будущее историографии стоит на плечах прошлого», определяют ключевой задачей этого многотомника: «детально разобраться в том, что может быть востребовано для того, чтобы Россия всегда была сильной, гордой, достойной своей исторической миссии»¹.

Вместе с тем, вряд ли можно считать, что в постсоветской России проблема периодизации Великой Отечественной войны носит чисто академический характер. Достаточно вспомнить хотя бы ту бурную реакцию значительной части общества, какую вызвал в свое время школьный учебник А. А. Кредера по новейшей истории зарубежных стран, не упомянувший в числе ключевых вех Второй мировой войны крупнейшие сражения на советско-германском фронте. Однако в отличие от советского времени на решение этой проблемы, которая была тогда главным и постоянным предметом обсуждения, перестала оказывать влияние позиция государственно-политического руководства страны, предоставляя тем самым возможность историкам и публицистам самим актуализировать те или иные ее стороны.

Узловым моментом дискуссии о периодизации Великой Отечественной войны в советской историографии был вопрос о коренном переломе. С одной стороны, вместе со спорами советских военачальников по отдельным эпизодам войны (планирование контрнаступления под Сталинградом, проведение Берлинской операции) его обсуждение тогда несколько оживляло историческую литературу о Великой Отечественной войне, страдавшую единообразием подходов. С другой стороны, как справедливо замечает известный историк академик Ю. А. Поляков, дискуссия носила во многом догматический и непродуктивный характер².

Принято считать, что понятие коренного перелома в Великой Отечественной войне в научный оборот было введено И. В. Сталиным в выступлении на торжественном заседании Московского совета 6 ноября 1943 г. Действительно, один из разделов его доклада назывался «Год коренного перелома в ходе войны», в котором указывалось, что таковым является «истекший год – от 25-й до 26-й годовщины Октября»³. Переломным, по мне-

нию Сталина, он явился потому, что в «этом году Красной Армии впервые за время войны удалось осуществить большое летнее наступление против немецких войск», «Красной Армии удалось в сравнительно короткий срок перебить и перемолоть наиболее опытные старые кадры немецко-фашистских войск, закалив вместе с тем и умножив свои собственные кадры в успешных наступательных боях в течение года», «успешное наступление Красной Армии коренным образом ухудшило хозяйственное и военно-политическое положение фашистской Германии, поставив ее перед глубочайшим кризисом». «С чисто военной точки зрения поражение немецких войск было предрешено двумя важнейшими событиями: битвой под Сталинградом и битвой под Курском». Далее Сталин подчеркнул, что «истекший год был переломным годом не только в ходе военных действий, но и в работе нашего тыла», и «во всей мировой войне»⁴. Выступая 6 ноября 1944 г., Сталин связал коренной перелом в войне, произошедший в период с конца 1942 г. по 1943 г., с тем, что в это время «Красная Армия развернула мощные наступательные бои, разбила немцев в ряде решающих боев, очистила от немецких войск две трети советской земли и заставила их перейти к обороне, причем Красная Армия все еще продолжала вести войну с немецко-фашистскими войсками один на один, без серьезной поддержки со стороны союзников»⁵.

Однако, если мы обратимся к другим текстам, вошедшим в книгу И. В. Сталина «О Великой Отечественной войне Советского Союза», то увидим, что о переломе в ходе войны речь шла еще в приказе наркома обороны от 1 мая 1942 г. при характеристике прошедших первых 10 месяцев войны, где говорилось, что «... после временного отхода, вызванного вероломным нападением немецких империалистов, Красная Армия добилась *перелома* (курсив мой. – В. Д.) в ходе войны и перешла от активной обороны к успешному наступлению на вражеские войска. Это факт, что благодаря успехам Красной Армии отечественная война вступила в новый период – период освобождения советских земель от гитлеровской нечисти»⁶. И тут же в приказе ставилась задача «добиться того, чтобы 1942 год стал годом окончательного разгрома немецко-фашистских войск и освобождения советской земли от гитлеровских мерзавцев»⁷.

Но уже в докладе на торжественном заседании в связи с 25-й годовщиной Октябрьской революции Сталин разделил события на фронте за прошедший год на два периода: по преимуществу зимний, когда Красная Армия наступала, и летний, когда «отмечается перелом в пользу немцев, переходом инициативы в руки немцев»⁸. В отличие от прозвучавшего в этих сталинских выступлениях тезиса об «активной обороне»⁹, указание на «переломы» первого года войны в послевоенный период советской историографией было сознательно «не замечено», поскольку оно уже не укладывалось в ту схему хода советско-германского военного

противоборства, которой придерживался Сталин в конце войны. Вслед за атрибутированием «года коренного перелома», 1944 год им был назван «годом решающих побед советских армий и армий наших союзников»¹⁰, а накануне капитуляции Германии Сталин говорил уже о проведенных в 1945 г. завершающих войну операциях¹¹.

В завершеном виде сталинская периодизация Великой Отечественной войны была представлена К. Е. Ворошиловым в статье «Сталин – гениальный полководец Великой Отечественной войны», где, в частности, утверждалось, что «второй период, примерно с конца 1942 г., то есть со Сталинградской битвы, до конца 1943 г., является периодом коренного перелома в ходе Великой Отечественной войны», а в предшествующий период «советское Верховное Главнокомандование активной обороной, сочетавшейся с контратаками и контрнаступлением на важнейших стратегических направлениях, подорвало ... ударную силу фашистской армии и похоронило германскую стратегию “молниеносной войны”»¹².

Другой видный советский партийно-государственный деятель Н. А. Вознесенский подобным образом поступил относительно периодизации работы советского тыла, назвав 1943 г., когда, по его мнению, воспроизводственные процессы резко интенсифицировались, годом коренного перелома в истории всей военной экономики, в том числе и сельского хозяйства¹³. Относительно военного производства этот вывод был вполне обоснован, потому что в 1943 г. оно выросло по сравнению с довоенным уровнем почти в два раза. Но он противоречил всем известным фактам тяжелого состояния в тот период гражданских отраслей промышленности и особенно аграрного производства, поскольку на 1943 г. приходился самый глубокий спад валовых показателей растениеводства и животноводства, сокращения посевных площадей и производительности труда в колхозах восточных районов страны. Тем не менее, подобная точка зрения на историю советского тыла стала тогда фигурировать в работах историков¹⁴.

Таким образом, к концу «сталинского периода» в советской историографии сложилась унифицированная и в отдельных своих частях прямо искажавшая историческую действительность концепция коренного перелома в ходе Великой Отечественной войны, которая охватывала как общую военно-политическую обстановку, так и состояние экономики страны.

В полной мере эта концепция была реализована в «Очерках истории Великой Отечественной войны. 1941–1945», вышедших в 1955 г., уже после смерти И. В. Сталина. В них отмечалось, что коренной перелом (период со второй половины ноября 1942 г. до конца 1943 г.) «произошел не только на фронте, но и в тылу, возрастание мощи которого явилось важнейшим условием побед советских войск»¹⁵. По свидетельству академика А. М. Самсонова, одного из создателей очерков, в обстановке

«борьбы с культом личности» указанный труд вскоре подвергся критике за отсутствие должного анализа важных вопросов событий, замалчивание или сглаживание негативных явлений¹⁶. Вслед за этим последовал отказ от выделения в качестве отдельных периодов войны «года решающих побед» и «завершающего периода», так как было сочтено, что ведущиеся без серьезных оперативно-стратегических пауз, при сохранении целей, полного превосходства и безграничном владении инициативой операции Красной армии 1944–1945 гг. в Европе искусственно разделялись на два периода. Это было отражено в вышедшей в первой половине 1960-х гг. шеститомной «Истории Великой Отечественной войны Советского Союза», а затем прочно вошло вплоть до сего времени в научные труды и учебники. Произошел также отказ от явно несостоятельных суждений о росте производительности труда в деревне в условиях войны и универсального, по аналогии с промышленностью, вывода о коренном переломе в ходе войны применительно к сельскому хозяйству. На общесоюзных материалах и на примере ведущих сельскохозяйственных районов СССР был обоснован вывод о том, что 1943 г. не только не стал коренным переломом, а для деревни был наиболее тяжелым, и что сдвиг к лучшему наметился здесь позже – в 1944 г.¹⁷

Авторы «Истории Великой Отечественной войны Советского Союза» не внесли ничего принципиально нового в трактовку коренного перелома как военно-политического явления, придерживаясь по сути сталинско-ворошиловской его версии. Стремление представить коренной перелом в ходе войны в несколько ином ракурсе возникло уже после «хрущевской оттепели» и было связано в первую очередь с введением нового для исторических текстов о Великой Отечественной войне термина – «коренной (крутой) поворот», ставшего теперь присутствовать в них вместе с понятием «коренной перелом». Оба этих термина/понятия уже использовались ранее в советском политическом и историческом дискурсе для обозначения крупных социально-экономических и политико-идеологических сдвигов в исторической практике. Наиболее известный случай в этом отношении – характеристика перехода к политике коллективизации деревни и «наступления против капиталистических элементов по всему фронту» в конце 1920-х гг. одновременно как «великого перелома» («коренного перелома») и как «крутого поворота» в развитии страны¹⁸. Однако применительно к истории Великой Отечественной войны понятия «коренной поворот» и «коренной перелом» не стали однозначно тождественными и использовались в советской историографии чаще всего для обозначения разных этапов в ходе советско-германского вооруженного противостояния.

Начало концепции крутого (коренного) поворота в ходе войны, который, по мнению ее авторов, произошел в результате победы советских войск под Москвой, было положено тезисами ЦК

КПСС к 50-летию Октябрьской революции, где одновременно также указывалось, что события ноября 1942 г. – конца 1943 г. явились коренным переломом в Великой Отечественной войне и всей Второй мировой войне¹⁹. В 1970-е гг. эта точка зрения получает развитие в выступлениях и работах видных советских военачальников, а затем закрепляется в ряде обобщающих трудов по истории войны. В частности, активным сторонником ее был тогдашний министр обороны СССР маршал А. А. Гречко, полагавший, что битва под Москвой оказала решающее влияние на ход и исход всей Второй мировой войны, а победа под Сталинградом внесла огромный вклад в коренной перелом²⁰. В четвертом томе «Истории второй мировой войны», главную редакцию которой А. А. Гречко в то время возглавлял, со всей определенностью говорилось: «Успех, достигнутый советским народом и его вооруженными силами зимой 1941/1942 гг., укрепил международный авторитет Советского Союза, веру всех народов в неизбежность разгрома гитлеровской Германии и положил начало коренному повороту в ходе войны»²¹. Еще раньше на основании того, что после контрнаступления под Москвой «стратегическая инициатива перешла в руки Красной Армии», то же самое утверждалось в многотомной «Истории КПСС»²². Характерно, что в этом труде сражению под Москвой был отведен целый параграф, а Сталинградская битва, которая, по мнению авторов, лишь «внесла огромный вклад в достижение коренного перелома», – подана «фонариком», как часть параграфа о «переходе в генеральное наступление»²³.

Вряд ли можно отрицать тот факт, что концепция советской историографии «крутого (коренного) поворота» в Великой Отечественной войне являлась продуктом дальнейшего осмысления политиками и исследователями в СССР событий 1941–1945 гг., позволившего в большей мере оценить влияние победы Красной армии под Москвой на ход и исход войны с Германией, ее военно-политического и международного значения. Символическим актом в этом отношении стало присвоение указом Президиума Верховного Совета СССР от 8 мая 1965 г. Москве почетного звания города-героя.

Вместе с тем, есть основание полагать, что указанная концепция возникла в конце 1960 – начале 1970-х гг. не столько в результате естественного историографического процесса внутри страны, сколько была реакцией на те интерпретации хода Второй мировой войны, которые преобладали к тому времени на Западе.

С очевидной целью принизить значение вооруженной борьбы на советско-германском фронте, представить дело таким образом, что основополагающая роль в разгроме фашистского блока принадлежит не Советскому Союзу, а странам западной демократии, историки США, Великобритании, ФРГ и некоторых других стран в 1960-е гг. создали так называемую теорию «реша-

ющих битв». Так, крупный германский военный историк Х.-А. Якобсен еще в 1961 г. писал: «Мидуэй, Гвадаканал, Эль-Аламейн, Тунис и Марокко, Сталинград и конец 4-й фазы битвы за Атлантику означают военный поворотный момент в ходе Второй мировой войны. Немного позднее стало также оказывать все возрастающее влияние бомбовое наступление союзников против “крепости Европы”»²⁴.

Другой автор теории «решающих битв» американский историк и публицист Х. Болдуин считал, что исход Второй мировой войны решили 11 битв («великих кампаний»), к которым он отнес сражение в Польше в 1939 г., битву за Британию, десант на остров Крит, Коррихидор, Сталинград, Тараву, десанты в Сицилии и Нормандии, морские сражения в заливе Лейте, Арденны и Окинаву²⁵. Разновидностью теории «решающих битв» в американской историографии стала теория «поворотных пунктов», в числе которых, например, Т. Кармайл видел Гуадалканал, Эль-Аламейн, Тунис, Сталинград и морское сражение в Баренцевом море²⁶.

Наиболее часто в западной историографии к «решающим битвам» и «поворотным пунктам» (их число едва ли не у каждого историка различно – от 5 до 20) относили сражения под Эль-Аламейном и в Тунисе на североафриканском театре, морское сражение у острова Мидуэй, бои за остров Гуадалканал на тихоокеанском театре и только одну битву на советско-германском фронте. Большинство зарубежных историков – приверженцев данной теории вообще не упоминали в числе значимых сражений Московскую, Курскую и другие битвы на советско-германском фронте. В любых вариантах абсолютное большинство их оказывалось на фронтах, где боевые действия вели англо-американские войска.

В этой связи закрепление в ряде официальных партийных документов и обобщающих трудах по истории Великой Отечественной войны за битвой под Москвой статуса коренного поворота в войне, по всей видимости, рассматривалось в качестве одного из средств «борьбы с буржуазными фальсификаторами истории» с их «теориями решающих битв» и «поворотных пунктов» Второй мировой войны²⁷, не входя в противоречие с утвердившейся общей периодизацией войны. Тезис «Московская битва – начало коренного поворота в ходе войны» был подкреплен и мнением авторитетных советских военачальников маршалов А. М. Василевского, В. И. Чуйкова и др.²⁸ Об этом же писал Г. К. Жуков, относивший битву за Москву к числу событий для него «больше всего запомнившихся из минувшей войны», в своих «Воспоминаниях и размышлениях», вышедших в 1969 г.²⁹

Нужно сказать, что в отношении воздействия на западную историографию советская концепция коренного поворота в ходе войны в определенной степени принесла результаты. Целый ряд американских и английских историков отказались от своих утверждений, что на советско-германском

фронте только Сталинградская битва являлась решающей для хода и исхода Второй мировой войны в целом. Как правило, в середине 1970-х гг. они стали признавать, что решающее значение имели также битвы под Москвой и Курском. Уже упоминавшийся американский историк Х. Болдуин, ранее утверждавший, что на советско-германском фронте решающее значение имела только Сталинградская битва, в своей новой книге писал, что битва под Москвой, «без сомнения, была поворотным пунктом второй мировой войны, даже больше, чем Сталинград... Немецкое вторжение в Россию и крупнейшие затем в истории войн битвы на суше имели политические, психологические и военные результаты глобального значения»³⁰.

Однако концепция коренного поворота в том виде, в котором она существовала до середины 1980-х гг., не стала абсолютно доминирующей в советской историографии. Она отсутствовала в большинстве учебных пособий, в ряде крупных изданий по истории войны, встретила возражение со стороны отдельных советских военачальников – участников Великой Отечественной войны³¹. Более того, никто из сторонников этой концепции не дал сколько-либо внятного объяснения, в чем состояло отличие коренного поворота в ходе войны, начавшегося победой Красной армии под Москвой, от коренного перелома, начало которому, как по-прежнему считалось, было положено контрнаступлением советских войск в районе Сталинграда, и чем органически связаны оба эти военно-политические явления³². Понятия «коренной перелом» и «коренной поворот» существовали как бы параллельно в текстах по Великой Отечественной войне, затрудняли четкое восприятие хода войны и наводили на мысль о простой реанимации первоначальной сталинской периодизации (выступление в ноябре 1942 г.).

В условиях перестройки, когда стали пересматриваться многие концептуальные положения, которые присутствовали до этого в советской историографии, известные историки А. М. Самсонов и О. А. Ржешевский на «круглом столе» в редакции газеты «Московские новости» в декабре 1986 г. однозначно высказали точку зрения о том, что битва под Москвой стала началом *коренного перелома* в Великой Отечественной войне и Второй мировой войне в целом. При этом в оценке исторического значения указанного сражения они отказались от понятия «коренного поворота», приводившего ранее к неоднозначным толкованиям проблемы. Историки исходили из методологической посылки, что «коренной перелом – это длительный процесс, в который решающий вклад вносят вооруженные силы. Но это и противоборство экономик воюющих стран, это и военно-политический фактор, включая и дипломатию»³³.

По мнению А. М. Самсонова, современная война имеет много принципиальных отличий от войн, которые происходили в прежние времена. Если когда-то исход войны мог быть решен од-

ним генеральным сражением, то современная война, в которой участвуют и вооруженные силы, и гигантская военная техника, и вся экономика, и, по существу, вся масса народа, не может быть выиграна в одном сражении. «Не решила судьбу войны, – указывал он, – и Московская битва. Но она положила начало коренному перелому». О. А. Ржешевский высказался в том плане, что нельзя принижать значение битвы под Москвой, исходя из последующих неудач Красной армии в летне-осенней кампании 1942 г., и не следует забывать, что она означала для фашистской Германии. «А она означала, – говорил он, – катастрофу, потому что, помимо конкретного положения на советско-германском фронте, в действие вступали все более мощные силы антигитлеровской коалиции. Ход войны менялся в мировом масштабе»³⁴.

Эту позицию историки затем изложили в совместной статье в журнале «Вопросы истории», указав на то, что понятие «коренной перелом» не предполагает неизменно восходящего процесса, и в нем возможны временные спады. Отсюда рисовалась такая схема: Московская битва положила начало коренному перелому, Сталинградская битва внесла решающий вклад, а Курская битва и освобождение Левобережной Украины завершили коренной перелом³⁵. В организованной вскоре журналом дискуссии по данному вопросу точку зрения А. М. Самсонова и О. А. Ржешевского поддержал авторитетный историк Д. М. Прозктор. Против выступили А. А. Сидоренко, А. В. Страхов и А. Ф. Васильев, аргументируя свой взгляд (Сталинградская битва – начало коренного перелома) тем, что хотя после отражения немецкого наступления на Москву советские войска сумели перехватить стратегическую инициативу, но она была утеряна уже весной 1942 г., отсутствовал и экономический фактор, так как перелом в работе промышленности произошел только в 1943 г. Попытку примирить эти точки зрения предпринял А. В. Басов, заявивший о коренном изменении в соотношении сил сторон в ходе сражений декабря 1941 – июля 1943 гг.³⁶

Дискуссия по проблеме коренного перелома в Великой Отечественной войне фактически продолжается и до сего времени, хотя никаких новых научно-выверенных аргументов, подкрепляющих ранее обозначенные позиции в этом споре, историками в последние годы приведено не было. Вместе с тем и в этом вопросе нашли свое отражение те крайности, которыми сопровождается становление современной российской историографии Великой Отечественной войны. В частности, произошла некая фетишизация трудов западных авторов, отдельные места из которых российские историки нередко используют для обоснования своих суждений вне общего их контекста³⁷. Более того, западная историография периода «холодной войны» стала источником для современных доморощенных фальсификаций истории Великой Отечественной войны. В рамках так называемой «альтернативной истории» в 1990–2000-е гг. ста-

ла развиваться идея о том, что Красная армия по определению (тоталитарный режим, бездарное военное командование и т. п.) не могла самостоятельно переломить ход военных действий на советско-германском фронте. К примеру, публицист, в прошлом известный экономист и политик Г. Х. Попов, утверждает, что только сознательное ослабление немцами группировок из-за необходимости переброски сил в Северную Африку и в Италию, где англо-американские войска проводили десантные операции, позволило Советскому Союзу избежать катастроф под Сталинградом и Курском. И в том и другом случае якобы союзники «спасали Сталина», откликаясь на его просьбы³⁸. Подобного рода передергивание фактов истории Второй мировой войны не ново: несостоятельная концепция «перекачки» полноценных немецких дивизий с Востока на Запад уже давно присутствует в зарубежной историографии³⁹.

В современной отечественной историографии по сути дела присутствуют три точки зрения о времени начала коренного перелома в Великой Отечественной войне и его сути. Ряд историков исходят из того, что перелом в войне одномоментное действие, приводящее к разгрому главной группировки врага и окончательному захвату инициативы. Они считают, что поражение немецких войска под Сталинградом и явилось коренным переломом в ходе войны. После этой победы Красная армия, мол, не выпускала стратегическую инициативу из своих рук вплоть до капитуляции нацистской Германии⁴⁰. Но с выводами сторонников этой точки зрения о том, что коренной перелом в ходе войны «есть состояние, а не процесс»; что «произошел он в результате победы Красной Армии под Сталинградом, а победа под Москвой была лишь предпосылкой для “перелома”»; что «разгром немецких войска под Курском и выход Красной Армии к Днепру – это лишь закрепление результатов коренного перелома в войне, а не завершение его»⁴¹, – мало кто соглашается и справедливо ее критикует.

Для большинства российских историков более обоснованными и аргументированными являются суждения, учитывающие закономерности эволюции войн и факторы, их определяющие. К ним относятся такие, в которых под коренным переломом в войне понимается достижение решающих и необратимых изменений в соотношении сил и характере вооруженной, экономической, идеологической, дипломатической и других сфер борьбы в пользу одной из противоборствующих сторон. Такой перелом наступает при условии, что кардинальные перемены произошли во всех сферах борьбы, а не в одной или нескольких из них. А это значит, что коренной перелом – не одноактное явление, состояние или момент, а длительный по времени и многосторонний процесс. Исходя из данных методологических установок, одни авторы начало коренного перелома относят к разгрому гитлеровцев под Москвой⁴², а другие – связывают его с поражением немецких войска под Сталинградом,

что более обоснованно. Последняя точка зрения, прежде всего, присутствует в современных российских многотомных изданиях о войне⁴³.

Дело в том, что в ходе битвы под Москвой, безусловно, произошли крупные сдвиги в вооруженном, психологическом и дипломатическом противоборстве в пользу Красной армии, но из-за объективных и субъективных причин закрепить успех не удалось, и стратегическая инициатива вновь на длительный период перешла к германской стороне. Советские войска летом–осенью 1942 г. были вынуждены отступать под напором численно превосходящих сил противника в течение пяти месяцев к Волге и предгорьям Кавказа. Поражение 2-й ударной армии (Волховский фронт), войск Крымского фронта, неудачное наступление войск Южного и Юго-Западного фронтов, которое привело к поражению пяти советских армий под Харьковом, мощное наступление немецких групп армий «А» к Кавказу и «Б» к Сталинграду поставило страну в тяжелейшее положение.

Не было после победы под Москвой и перелома в экономической сфере. Промышленность не могла удовлетворить потребности Красной армии. Только к середине 1942 г. завершилась перестройка народного хозяйства на военный лад, и к концу года было создано слаженное военное хозяйство. Благодаря этому советские войска, начиная с 1943 г., стали превосходить врага в вооружении и военной технике.

Фактор политический (дипломатический), действительно, присутствовал, поскольку 1 января 1942 г. 26 государств подписали в Вашингтоне «Декларацию объединенных наций», завершив тем самым оформление антигитлеровской коалиции. Налажено было военно-техническое сотрудничество СССР с западными союзниками. Моральный фактор в ходе Московской битвы также имелся, поскольку в результате победоносных боев возрос моральный дух красноармейцев и командиров и всего советского народа, а моральный дух немецких солдат и офицеров в результате неудач под Москвой был сломлен. 62 тыс. немецких военнослужащих были отданы под военные трибуналы за дезертирство. Гитлер в ярости сместил более 40 фельдмаршалов и генералов за неудачу под советской столицей. Но основными показателями коренного перелома являются все же военный и экономический факторы, поэтому, несмотря на присутствие политического и морального факторов, Московская битва не является началом коренного перелома в ходе Великой Отечественной войны, но она внесла огромный вклад в создание условий для него.

В военном отношении после победы советских войск под Сталинградом ситуация на советско-германском фронте, да и в целом в ходе Второй мировой войны (масштабы и значение успехов союзников в Северной Африке были во много раз меньшими), изменилась более кардинально, чем после битвы под Москвой. Прочность владения Красной армией стратегической инициативой уже

не могла быть поставлена под сомнение кратковременными неудачами в феврале–марте 1943 г. в районе Донбасса и Харькова. Завершился коренной перелом в результате победы в Курской битве и освобождения левобережной Украины. Именно в ходе битвы на Курской дуге стратегическая инициатива окончательно перешла к советскому командованию. Битва же за Днепр показала, что необратимые сдвиги в ходе войны состоялись, что войска Красной армии даже после пятимесячных непрерывных боев способны противостоять попыткам перехватить инициативу, остановив контрнаступление немецких войск на житомирско-киевском направлении без привлечения резервов Ставки. Таким образом, процесс коренного перелома в Великой Отечественной войне продолжался с ноября 1942 г. по декабрь 1943 г. и по времени занял более года.

Примечания

- 1 Великая Отечественная война 1941–1945 годов : в 12 т. Т. 1. Основные события войны. М., 2011. С. 10.
- 2 См.: Поляков Ю. А. Историческая наука : люди и проблемы : в 3 кн. Кн. 2. М., 2004. С. 135–136.
- 3 Сталин И. О Великой Отечественной войне Советского Союза. 5-е изд. М., 1946. С. 98.
- 4 Там же. С. 98, 99, 100, 101, 103, 108.
- 5 Там же. С. 134.
- 6 Там же. С. 49.
- 7 Там же. С. 51–52.
- 8 Там же. С. 58.
- 9 Тезис об активной обороне Красной армии в 1941 г. присутствовал в том или ином виде во всех трудах о Великой Отечественной войне, вышедших в первые послевоенные годы. Так, в «Краткой биографии» И. В. Сталина, изданной в 1947 г., отмечалось, что в начале войны «... Советская Армия осуществила тактику активной обороны, имевшей целью изматывания противника, максимальное истребление его живой силы и техники и подготовку условий к переходу в наступление» (См.: Иосиф Виссарионович Сталин. Краткая биография. М., 1947. С. 189). В работе Б. С. Тельпуховского уже говорилось о стратегии активной обороны в сочетании с непрерывными контрударами в тот период. (См.: Тельпуховский Б. С. Великая Отечественная война Советского Союза : 1941–1945 гг. М., 1952. С. 37, 103).
- 10 Сталин И. О Великой Отечественной войне Советского Союза. С. 134–135.
- 11 Там же. С. 165.
- 12 Ворошилов К. Е. Сталин и Вооруженные Силы СССР. М., 1951. С. 95.
- 13 См.: Вознесенский Н. А. Военная экономика СССР в период Отечественной войны. М., 1948. С. 29, 96.
- 14 Отголоски подобной точки зрения можно найти в более поздних работах советских историков. (См.: Советская экономика в период Отечественной войны 1941–1945. М., 1970. С. 260, 288).

- ¹⁵ Очерки истории Великой Отечественной войны. 1941–1945. М., 1955. С. 4.
- ¹⁶ См.: Самсонов А. М. Память минувшего. События, люди, история. М., 1988. 229–231.
- ¹⁷ См.: Арутюнян Ю. В. Советское крестьянство в годы Великой Отечественной войны. М., 1963 ; Анисков В. Т. Колхозное крестьянство Сибири и Дальнего Востока – фронту. 1941–1945. Барнаул, 1966 ; и др.
- ¹⁸ См.: Сталин И. В. Вопросы ленинизма. 11-е изд. М., 1939. С. 268, 297–299 ; История Всесоюзной Коммунистической партии (большевиков). Краткий курс. М., 1938. С. 286, 291, 297.
- ¹⁹ См.: 50 лет Великой Октябрьской социалистической революции. Тезисы ЦК КПСС // Правда. 1967. 23 июня.
- ²⁰ Правда. 1972. 9 мая.
- ²¹ История второй мировой войны 1939–1945 : в 12 т. Т. 4. М., 1975. С. 6.
- ²² См.: История Коммунистической партии Советского Союза : в 6 т. Т. 5, кн. 1. М., 1970. С. 242.
- ²³ Там же. С. 328–361.
- ²⁴ Jacobsen H.-A., Dollinger H. Der Zweite Weltkrieg in Bildern und Dokumenten. Bd. 2. Munnchen, 1961. S. 231.
- ²⁵ См.: Ржевский О. А. Война и история (Буржуазная историография США о Второй мировой войне). М., 1976. С. 138.
- ²⁶ Там же. С. 139.
- ²⁷ Другим средством противодействия указанным теориям стало стимулирование в 1970–1980 гг. написания специальных трудов по истории крупных сражений на советско-германском фронте, где Красная армия одерживала победу.
- ²⁸ См.: Василевский А. М. Начало решающего поворота в ходе Великой Отечественной войны // Коммунист. 1968. № 17 ; Чуиков В. И. Управление и связь в Сталинградской битве // Воен.-ист. журн. 1978. № 2.
- ²⁹ Жуков Г. К. Воспоминания и размышления. М., 1969. С. 374. Этой точки зрения Г. К. Жуков придерживался до конца жизни, о чем свидетельствует его интервью, данное историку В. А. Анфилову (См.: Российская газета. 1994. 10 декабря).
- ³⁰ Цит. по: Ржевский О. А. Буржуазная историография вооруженной борьбы на советско-германском фронте (Анализ современных тенденций) // Историография Великой Отечественной войны : сб. статей. М., 1980. С. 169.
- ³¹ См.: Великая Отечественная война Советского Союза. Краткая история. 3-е изд. М., 1984 ; Великая Отечественная война 1941–1945 : Энциклопедия. М., 1985. С. 15–19 ; Лелюшенко Д. Д. Победа на Волге // Коммунист. 1983. № 1. С. 77.
- ³² Понимая уязвимость одновременного оперирования понятиями «коренной поворот» и «коренной перелом» для обозначения различных временных отрезков и явлений войны, авторы научно-популярного очерка разделили Великую Отечественную войну на шесть этапов, вместо традиционных трех периодов (См.: Великая Отечественная война (1941–1945). Краткий науч.-попул. очерк. 2-е изд., доп. / под. ред. П. А. Жилина. М., 1973. С. 7.
- ³³ Московские новости. 1986. 30 декабря.
- ³⁴ Московские новости. 1986. 30 декабря.
- ³⁵ См.: Самсонов А. М., Ржевский О. А. О коренном переломе в Великой Отечественной войне // Вопросы истории. 1987. № 4. 70–81.
- ³⁶ См.: Сидоренко А. А., Страхов А. В., Проэктор Д. М., Басов А. В., Васильев А. Ф. О начале коренного перелома во второй мировой войне // Вопросы истории. 1988. № 5. С. 57–74.
- ³⁷ Так, в доказательство точки зрения о начале коренного перелома в битве под Москвой цитируют немецкого историка Б. Вегнера, который пишет: «Было бы ошибочно безоговорочно трактовать поражение под Сталинградом как “коренной перелом в войне” ... поражение под Сталинградом, если уж быть до конца точным, обозначило значительную стадию процесса сужения возможностей выбора военных операций, способных привести [Германию] к победе. Основными стадиями этого процесса были битва под Смоленском в июле 1941 г. и, как следствие ее, приостановка наступления на Москву, его провал в декабре, с полным правом охарактеризованная как “экономический Сталинград” эвакуация большей части советской промышленности в восточные регионы страны, а также решение Гитлера о разделении участвовавших в осуществлении операции “Блау” сил в июне 1942 г. Трагедия под Сталинградом завершила этот порождавший “коренной перелом” процесс» (Вегнер Б. Второй поход Гитлера против Советского Союза. Стратегические концепции и историческое значение // Вторая мировая война. Дискуссии. Основные тенденции. Результаты исследований / под ред. В. Михалки ; пер. с нем. М., 1996. С. 523). Однако перечисление всех этих «стадий» необходимо Б. Вегнеру лишь для обоснования ошибочной стратегии Гитлера в войне против СССР, но ни в коем случае не для констатации усилий советского народа и руководства страны в отражении фашистской агрессии.
- ³⁸ Попов Г. Война и правда. N. Y. : Liberty Publishing House, 2005. URL : <http://lebed.com/2005/art4202.htm> (дата обращения: 16 ноября 2013 г.).
- ³⁹ См.: Падерин А. А. Сталинградская битва в зеркале западной историографии // Вестник МГИМО-Университета. 2013. № 2(29). С. 102–103.
- ⁴⁰ См.: Тюшкевич С. А., Зимонин В. П. Коренной перелом в годы Второй мировой войны : концептуальный, исторический и геополитический // Геополитика и безопасность. 1995. № 3.
- ⁴¹ Там же. С. 114.
- ⁴² См.: Невзоров Б. И. Оборона Москвы – первый из трех китов коренного перелома в войне // Белые пятна военной истории. М., 1999. С. 176–180 ; Кульков Е., Мягков М., Ржевский О. Война 1941–1945 : Факты и документы. М., 2001. С. 75 ; Фролов М. И. Московская битва. Нетрадиционный взгляд // Воен.-ист. журн. 2011. № 9. С. 46–49 и др.
- ⁴³ См.: Великая Отечественная война. 1941–1945. Военно-исторические очерки : в 4 кн. Кн. 2. Перелом. М., 1998 ; Мировые войны XX века : в 3 кн. Кн. 3. Вторая мировая война : Ист. очерк. М., 2002. С. 150–166 ; Великая Отечественная война 1941–1945 годов : в 12 т. Т. 1. Основные события войны. М., 2011 и др.